

УДК 811.521:82-311.8:94(520)

**ДНЕВНИКОВАЯ ПРОЗА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ
ИСТОЧНИК О СРЕДНЕВЕКОВОМ ОБЩЕСТВЕ
ЯПОНИИ**

М.В. Шабаева

Томский политехнический университет

E-mail: nimrodbest@inbox.ru

**Шабаева Мария Влади-
славовна**, старший преподаватель кафедры восточных языков Института международного образования и языковой коммуникации ТПУ.

E-mail: nimrodbest@inbox.ru

Область научных интересов: культура Японии, методика преподавания японского языка.

Дневниковая проза средневековой Японии рассмотрена в качестве исторического источника, содержащего подробнейшую информацию о нравах и мировоззрении общества Японии X–XIII вв. На материале анализа дневниковой прозы описаны особенности менталитета и раскрыто содержание особой эстетической философии аристократии хэйанской эпохи. Акцентируется ведущее место любовных отношений в жизни аристократов, показано своеобразие их изображения в литературе. Раскрывается

сущность проявления эстетизации культуры в бытовой и художественной сферах жизни. Выявлены ключевые темы дневниковой прозы.

Ключевые слова:

Дневниковая проза средневековой Японии, нравы средневекового общества, мировоззрение, менталитет, эстетическая философия, эстетизация культуры, ключевые темы дневниковой прозы, Сэй Сэнагон, Камо-то Тёмэй, Кэнко-хоси.

Одной из важнейших характеристик средневековой японской дневниковой прозы является ее информативность. Классические произведения дневниковой прозы содержат огромное количество информации о нравах и быте средневековых японцев, мировоззренческих основах, исторических событиях эпохи, любовных отношениях, структуре общества и о месте женщины и мужчины в нем, а также о японских праздниках, календаре и многом другом. Кроме того, поскольку носителями культуры эпохи Хэйан являлись аристократы, жившие при дворе императора, то в дневниках дается подробнейшее описание их светской жизни, включая занятия придворных мужчин и женщин, их наряды и отношения.

Одно из величайших произведений японской литературы «Записки у изголовья» Сэй Сэнагон общепризнанно считается наиболее полным и детализированным источником фактического материала о жизни Японии на пике развития культуры в XI в. [1. С. 31].

При хэйанском дворе царил атмосфера постоянной праздничности, эмоциональной напряженности. По словам выдающейся писательницы эпохи Хэйан Марасаки Сикибу, придворная жизнь аристократии была жизнью людей, «имеющих досуг» [2. С. 22]. Это цепь романтических приключений, то радостных, то грустных, сопровождаемых бесконечными развлечениями, состязаниями в сочинении стихов, в живописи, каллиграфии, составлении ароматических курений. Мироощущение хэйанских аристократов основывалось на особой эстетической философии: они верили, что во всем, что окружает нас, присутствует неповторимое очарование (мононо аварэ). Заметить это очарование и прочувствовать всю красоту и необыкновенность момента – вот что представлялось задачей человека эпохи Хэйан. И не столь важен сам предмет, сколько важна его неповторимость, его ускользающая от всеобщего взгляда красота.

Всё это, безусловно, нашло свое отражение в дневниковой прозе, создаваемой аристократами, и именно поэтому литературные произведения этого направления являются достойным источником информации о средневековом аристократическом обществе.

Подробные описания небольших светских сцен читатель во множестве найдет в «литературе женского потока», к числу авторов которой относятся такие известные писательницы, как Мурасаки Сикибу, Сэй Сэнагон, Митицуна-но хаха и др. Они прилежно и заинтересованно описывали прически и одежду придворных дам и кавалеров, манеру чтения сутр и внешность

священников. Парадные выезды для созерцания природы, поэтических раутов или для участия в больших храмовых праздниках и церемониях были для придворной знати скорее развлечением, чем постижением религиозных истин. Пока «мудзэ-но сэкай» (переменчивый мир) был относительно стабилен, изнеженные кавалеры и дамы могли предаваться любовным играм, пересчитывать слои роскошных одежд, любоваться веерами, прическами и экипажами. Они чувствовали себя актерами на фоне меняющихся природных декораций, запечатлевая в поэтических строках всё, что видели, слышали и чувствовали сердцем.

В средневековые времена блистательные дамы и кавалеры Хэйанской эпохи с относительным комфортом совершали небольшие сухопутные и морские путешествия. Весной они отправлялись любоваться цветущей сакурой, летом – слушать пение кукушки, осенью – наслаждаться видом алых кленов или полной луны, зимой – свежеевыпавшим снегом. Для знати такие небольшие путешествия были развлечением, но и тогда уже считалось, что путешествие приносит обновление, придает свежесть восприятию, рассеивает уныние. Кэнко-хоси, один из первых знаменитых художников-странников Японии, сравнивал небольшое путешествие с пробуждением. И не столь важно, куда ты отправляешься в путешествие; важно то, что в дороге, оглядывая всё вокруг, можно обнаружить «множество необычного и в заурядной деревушке, и в горном селении» [3. С. 321]. Кэнко-хоси удивительно тонко чувствовал и природу, и человека. В следующем отрывке прекрасно видно, какое отвращение вызывало в нем амикошонство человека по отношению к природе: «Он подталкивается, пролезает под самое дерево, усыпанное цветами, уставившись на цветы, глаз с них не сводит, пьет сакэ, сочиняет стихотворные цепочки ранга, а под конец, ничтоже сумняшеся, ломает для себя самую крупную ветвь. В источник он погрузит руки и ноги; по снегу он непременно пройдет, чтобы оставить следы, – ничем он не может любоваться со стороны» [3. С. 277].

В эпоху Хэйан любовные отношения и связанные с ними переживания стали занимать одно из ведущих мест в жизни аристократов и, следовательно, в их поэзии и прозе. Таким вниманием эта заботящая всех тема обязана реальной обстановке в стране, когда не было войн, а люди имели достаточно средств для безбедной жизни. В таких условиях у аристократов были неограниченные возможности предаваться любви и описывать ее в своих поэтических и прозаических произведениях. В период Хэйан практически нет прозы, в которой любовные отношения не занимали бы ведущее место и на которых не был бы сосредоточен интерес автора.

Следует отметить, что стихи и проза аристократов не отличались особым натурализмом, несмотря на достаточно большую свободу отношений между мужчинами и женщинами. Все обстояло совсем по-другому, т. к. «телесные» проявления сведены в этой литературе к самому необходимому минимуму. Всё, что было позволено автору сказать о женской красоте, – это отметить белый цвет кожи да длину гладко расчесанных волос, ниспадающих до пола, но, несмотря на скудность описания, этого было достаточно, чтобы признать женщину красивой.

Вообще вся хэйанская жизнь строилась на красоте окружающего мира, а желание наслаждаться этой красотой проявлялось у японцев во всем. К примеру, Сэй Сэнагон, автор знаменитых «Записок у изголовья», говорит о проповеднике, что он «должен быть хорош лицом», поскольку приятная внешность побудит неотрывно смотреть на него, тем самым позволив лучше усвоить святость учения. Проповедник, что нехорош собой, заставляет смотреть по сторонам, от чего мысли невольно разбегаются. «Уродливый вероучитель, думается мне, вводит нас в грех», – писала Сэй Сэнагон [4. С. 83].

Отношения между женщинами и мужчинами были настолько свободными, что, узнав, что в какой-то семье есть девушка, которая хороша собой и недурно сочиняет стихи, мужчина или юноша отправлял ей послание, обязательно оформленное стихами. Эти стихи восхваляли красоту девушки, которую посланник письма никогда не видел, и ее достоинства, а также выражали нетерпение перед предстоящим свиданием. Отвечая на письмо мужчины, девушка обычно писала о том, что не верит в искренность чувств корреспондента, который, как всем известно, большой ветренник. Для девушки вполне весомой причиной прекращения любовных отношений были неудачно сложенные стихи отправителя.

Писать стихи и посылать их друг другу считалось одним из излюбленных занятий аристократов, а при дворе часто проводилось что-то вроде соревнований на лучшее стихотворение. Считалось приличным прикрепить послание к какому-нибудь цветку, напоминавшему о том,

какое сейчас на дворе время года, например к ветке цветущей сливы. Так, Сэй Сёнагон описывает, как однажды вестник принес ей подарок от Юкинари в виде квадратных пирожных, возвращенных в поэму и прикрепленных к «великолепной ветке цветущей сливы» [4. С. 149].

Обмениваться поэмами, которые были тщательно оформлены, было типичным занятием в этот исторический период в Японии. Такой подарок ценился не только за качество поэмы и за ее талантливое содержание, но и за каллиграфию посланника, выбор сопутствующего растения или ветки и даже за аромат подарка, так как люди в то время любили смешивать различные запахи, чтобы подобрать соответствующий аромат, который сопровождал бы поэму. Кроме того, все детали подарка должны были дополнять друг друга. Все это приводит к мысли о том, насколько эстетизированной была культура эпохи Хэйан. Поскольку посланник письма Сёнагон не представился лично, она быстро спросила совета у Ее Величества, которой она прислуживала, что ответить. Ее Величество предложила ей просто съесть пирожные и не отвечать на поэму. Но вместо этого Сёнагон взяла красную бумагу и легко написала: «Человек, который не подарил холодные пирожные сам лично, кажется мне очень холодным человеком» [4. С. 150], затем прикрепила письмо к красивой ветке красной цветущей сливы и отправила.

Такой обмен посланиями мог продолжаться достаточно долгое время. Один из памятников средневековой дневниковой прозы описывает историю одного аристократа, который отправлял для «прекрасной незнакомки» стихи, написанные на бумаге, испещренной каплями киновари, что представляло собой его кровавые слезы, проливаемые им вследствие разлуки со своей любимой. В ответ «прекрасная незнакомка» написала следующее стихотворение, в котором она уподобляет неверного мужчину кукушке, что было привычным для тогдашнего общества:

Во всех селеньях
Кукушка побывала, но...
Насколько хватит
Сил сердечных,
Я буду ждать ее [5. С. 154].

Дама соглашалась на свидание только после того, как был выдержан определенный срок ожидания и разлуки, негласно установленный в обществе. Согласно источникам, свидание мужчины и женщины проходило довольно своеобразно: мужчина посещал внутренние покои женщины и беседовал с ней, будучи отделенным от нее занавеской или ширмой. Таким образом, можно говорить о так называемой любви с первого слова, а не о любви «с первого взгляда» [5. С. 155]. Позже, впервые увидев даму своего сердца при дневном свете, случилось, что мужчина был приятно удивлен ее прекрасной внешностью, которая соответствовала тому, что он сам о ней представлял. Но, конечно же, бывали и разочарования.

Сэй Сёнагон в «Записках у изголовья» рассказывает историю, которую некогда сама услышала, о том, как один прославленный светский молодой угодник с утонченной душой нанес визит некой даме в пору «долгого месяца». В момент расставания с дамой ему так захотелось еще раз сказать ей, что он не в силах расстаться с ней, что он, задержавшись в ее покоях, смотрел на нее в лучах предрассветной луны. В этот момент он заметил, что «накладные волосы съехали с макушки набок и повисли прядями длиной в пять вершков. И словно вдруг зажгли лампу, кое-где засветились отраженным светом луны красноватые пятна залысин... Пораженный неожиданностью, мужчина потихоньку убежал» [4. С. 221].

Утвердившись во взаимной привязанности друг к другу, женщина позволяла мужчине провести ночь в своем доме, а наутро мужчина должен был вернуться домой. Считалось, что, когда мужчина возвращается домой, его никто не должен видеть, чтобы не было понятно, где он провел ночь. Однако в связи с тем, что такого рода ночные свидания считались чем-то вполне привычным, вероятность встретить такого же влюбленного мужчину была довольно высока.

Сэй Сёнагон в «Записках у изголовья» описывает сцену идеального прощания влюбленных: «Когда ранним утром наступает пора расставания, мужчина должен вести себя красиво. Полный сожаления, он медлит подняться с любовного ложа. Дама торопит его уйти: “Уже белый день. Ах, нас увидят!” Мужчина тяжело вздыхает. О, как бы он был счастлив, если бы утро никогда не пришло! Сидя на постели, он не спешит натянуть на себя шаровары, но, склонившись к своей подруге, шепчет на ушко то, что не успел сказать ночью... “Как томительно будет тянуться день!” – говорит он даме и тихо выскальзывает из дома, а она провожает его

долгим взглядом, но даже самый миг разлуки останется у нее в сердце как чудесное воспоминание» [4. С. 155].

Вернувшись домой, мужчина должен был отправить своей возлюбленной любовное послание в стихах.

Кроме описания любовных отношений, дневниковая проза является проявлением особенного видения японцев, их менталитета. Дневники дают нам много оснований для того, чтобы говорить об особом восприятии японцами этого мира, природы и людей в нем.

Японцы видели в ближнем пространстве очень много. В классической литературе постоянно присутствует крупный план, с обилием детальных описаний в нем: природы, душевных состояний, самых пустяковых действий персонажей [5. С. 21–22]. Особое внимание японцы всегда уделяли природе и природным явлениям. Самое интересное, что они видели объект не в целом, а детально, например, японские писатели и художники видели не лес в целом, а дерево. Не дерево, а ветку. Не ветвь, а листок. И даже не листок, а прожилку на нем! Особенность восприятия японцев заключается в способности замечать мельчайшие детали, расщеплять целое на составные части и фиксировать свой взгляд на чем-то конкретном. Логика такого восприятия основывается на формуле: целое, даже если это целая вселенная, постигается через малое, единичное, а в малом, единичном заключается вся вселенная. Примером этого могут служить иероглифы, крошечные сады – бансай, икебана, а также короткие стихи – танка и хайку и другая японская литература.

В средневековой литературе хорошо проявляется эстетическая любовь этого народа к малому. Сэй Сёнагон в XI в. писала: «Всё маленькое трогает своей прелестью». Будь то детское личико, нарисованное на дыне, маленькие куколки, сделанные из бумаги, которыми играют девочки, или листочек лотоса, который ты сорвал в пруду. И всё это настолько трогательно и притягательно для взгляда японца, что от него невозможно было оторвать глаз [5. С. 26].

Как уже упоминалось, природа у японцев всегда занимала одно из ведущих мест в литературных и художественных представлениях. Многие произведения дневниковой прозы изобилуют описанием природы. «Записки у изголовья» Сэй Сёнагон начинается с описания красот каждого сезона: «Весною – рассвет. Всё белее края гор, вот они слегка озарились светом. Тронутые пурпуром облака тонкими лентами стелются по небу. Летом – ночь. Слов нет, она прекрасна в лунную пору, но и безлунный мрак радует глаза, когда друг мимо друга несутся бесчисленные светлячки <...> Осенью – сумерки. Закатное солнце, бросая яркие лучи, близится к зубцам гор <...> Зимой – раннее утро. Свежий снег, нечего и говорить, прекрасен, белый-белый иней тоже, но чудесно и морозное утро без снега» [4. С. 7].

Буддийская традиция освящала природу, придавая ей особую ценность. Ведь именно природа, с ее сезонными изменениями, так художественно подтверждает основной тезис буддизма махаяны о непостоянности, изменчивости всего сущего: ничто не вечно, кроме вечного изменения. Буддийские монастыри располагались в живописных местах, чаще всего – в горах, покрытых лесом. Монахи-хоси часто были прекрасными поэтами, художниками, каллиграфами.

Сэй Сёнагон находит красоту не только в изящных деревьях, ветках, цветах, но и даже в насекомых. «Сверчок-колокольчик». Цикада “Закат солнца”. Бабочка. Сосновый сверчок. Кузнечик. “Ткач-кузнечик”. “Битая скорлупка”. Поденка. Светлячок. Мне очень жалко миномуси – “червячка в соломенном плаще”. Отец его был чертом. Увидев, что ребенок похож на своего отца, мать испугалась, как бы он тоже не стал злым чудовищем. Она закутала его в лохмотья и обещала: “Я вернусь, непременно вернусь, когда подует осенний ветер...” – а сама скрылась неведомо куда. Но покинутый ребенок не знает об этом. Услышит шум осеннего ветра в пору восьмой луны и начинает горестно плакать: “Тити, тити!” – зовет свою мать. Жаль его, несчастного!» [4. С. 144].

«Записки из кельи» Камо-но Тёмэя тоже начинаются строками, описывающими красоту реки, которую автор сравнивает с человеческой жизнью: «Струи уходящей реки... они непрерывны; но они – всё не те же, прежние воды. По заводям плавающие пузырьки пены... они то исчезнут, то свяжутся вновь; но долго пробыть – не дано им. В этом мире живущие люди и их жилища... и они – им подобны» [6. С. 8]. Камо-но Тёмэй также отмечает наиболее красивые природные явления каждого сезона: «Весной – глядишь на волны глициний... Словно лиловые облака, они заполняют собой весь запад. Летом – слушаешь кукушку... Всякий раз, как пере-

кликаешься с нею, как будто заключаешь уговор о встрече там, на горных тропах в стране по-тусторонней. Осенью – весь слух заполняют голоса цикад... И кажется: не плачут ли они об этом непрочном и пустом, как скорлупа цикады, мире? Зимой – любишь на снег... Его скопленье, его таянье – всё это так похоже на наши прегрешенья!» [б. С. 93].

«Записки от скуки» Кэнко-хоси также включают абзацы, посвященные красоте природы и природных явлений.

Дневник Камо-но Тэмэя «Записки из кельи» отличается подробным описанием событий, происходивших в стране с 1177 по 1185 гг., свидетелем которых он стал. Весь первый раздел произведения посвящен именно трагическим событиям. Вначале автор описывает пожар, случившийся в 1177 г., поглотивший треть построек столицы, погубивший несколько тысяч людей, а также бесчисленное количество волов и коней. «При дующем во все стороны ветре огонь, переходя то туда, то сюда, развернулся широким краем, будто раскрыли складной веер. Дома вдалеке заволакивались дымом; вблизи всюду по земле стлалось пламя. В небеса вздымался пепел, и во всем этом, багровом от огня, окружении как будто летали оторвавшиеся языки пламени, не устоявшие перед ветром: они перелетали через один-два квартала» [б. С. 12].

Следующим печальным событием, которому Камо-но Тэмэй уделил внимание в своем дневнике, стал ураган, произошедший в 1180 г.: «Поднялся сильный вихрь и свирепо задул, охватив всё вплоть до шестого проспекта. Когда он захватывал своим дуновением сразу три-четыре квартала, из всех домов, заключенных в этом пространстве, и больших, и маленьких, не оставалось ни одного неразрушенного: одни так целиком и обрушивались наземь; от других оставались только стропила; а то – ветер, сорвав с ворот навесы, относил их за четыре-пять кварталов; сметая же заборы, превращал всё окружающее в одно сплошное целое. Тем более имущество из домов: всё без остатка летело оно в небеса» [б. С. 13].

Кроме этих событий «Записки из кельи» рассказывают о последующих перенесении столицы в 1180 г., голоде 1181 г. и землетрясении 1185 г. Эти события также оставили свой отпечаток на жизни страны.

Таким образом, можно смело говорить о том, что дневниковая проза является одним из наиболее полных и детальных источников информации о средневековом обществе Японии. Недаром дневники привлекают такое количество исследователей и просто читателей. Дневниковая проза притягивает не только своей необычностью и способностью авторов находить красоту в незначительных вещах, но огромным количеством информации о жизни японцев.

В первую очередь, изучение дневниковой прозы позволяет понять нравы средневекового общества Японии. Изобилие описаний любовных сцен, отношений между мужчинами и женщинами дает возможность составить более полную картину взаимоотношений полов, представления о том, что считалось приемлемым в отношениях, а что – нет. Благодаря сохранившимся до наших дней произведениям дневниковой прозы мы можем говорить о достаточной свободе любовных отношений между мужчиной и женщиной в Средние века, характерной для аристократической среды.

Кроме того, благодаря дневниковой прозе мы имеем представление о картине мира японцев того времени, об эстетической философии аристократического общества Японии, понимании красоты и гармонии. Авторы произведений делали акцент на эстетической составляющей бытовой жизни и переносили свои эмоции и мысли на бумагу.

И, конечно, дневники, написанные в Средние века, описывают исторические события, на фоне которых развивалось основное повествование авторов. Из произведений дневниковой прозы могут быть извлечены данные о некоторых катастрофических событиях XII в., таких как крупный пожар в столице или ураган, разрушивший многие поселения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горегляд В.Н. Дневники и эссе в японской литературе X–XIII вв. – М.: Наука, 1975. – 380 с.
2. Мурасаки-сикибу. Дневник. – СПб.: Гиперион, 1997. – 176 с.
3. Кэнко-хоси. Записки от скуки – М.: Наука, 1970. – 256 с.
4. Сэй Сёнагон. Записки у изголовья. – СПб.: Кристалл, 1999. – 576 с.
5. Мещеряков А.Н. Книга японских обыкновений. – М.: Наталис, 1999. – 399 с.

6. Камо-но Тёмэй. Записки из кельи // Японские дзуйхицу / под ред. Т.П. Григорьевой. – СПб.: Северо-Запад, 1998. – 639 с.

Поступила 18. 04. 2014 г.